

4,4/5 (10 голосов)

Творчество

Сколько исхожено, пройдено!..

Памяти Михаила Анищенко

*Забудь слова, приметы, лица
И, счёты с миром не сводя,
Попробуй взять и раствориться
В холодных капельках дождя.*
(Михаил Анищенко)

Чей взгляд придирчивый заметил,
Что дождь с утра заморосил
И что задул сильнее ветер? –
Ты уходил, ты уходил.

Всего три шага до погоста,
Но, не довольствуясь крестом,
Наверно, это очень просто:
Дождинкой стать и стать листом.

Не предъявить претензий миру,
Пусть за тебя он всё решит,
И, в старый шкаф спрятав лиру,
Уйти без всяческих обид.

Земля зовёт, почти не дышит,
На свежий холм перекрещусь.
Россия ничего не слышит,
Но, рот зажав, рыдает Русь.

* * *

Двери тёмные, стальные.
Постучать ли, позвонить?
Я живая, вы живые,
Так давайте говорить –

Всё о том, о чём хотели
Говорить бы целый век,
Что вчера ветра шумели,
А сегодня падал снег.

Что отпелось, отгулялось,
Ни души на берегу,
Что от осени осталась
Россыпь яблок на снегу.

Что летят опилки к дому,
Что в стволах текут года.
Пилят, пилят по живому,
Расширяя города.

Вспоминать бы всё, что мило,
Вспоминать под шум дождя,
Как растерянно кружила
Птица, ветки не найдя.

Может, вспомним, что живые,
С душ озябших смоем грим.
Все свои мы, все родные,
Но об этом промолчим.

На калининградском «блошином рынке»

Пылица осела за ворот.
Опять пулемёт застрочил.
Он взял эту крепость и город
И после медаль получил.

Вернувшийся из медсанбата,
Себе улыбался – живой!
...Вчера схоронили солдата
И выпили за упокой.

Бежавший в кровавую схватку,
Подстёгнутый криком «Вперёд!»,
Упал он на эту брусчатку,
Где правнук медаль продаёт.

* * *

Бесславная, обычная, проснись,
Зажмурюсь я от утреннего света.
Я почестей и титулов боюсь –
За ними не видать уже поэта.

Когда как все земные – значит, жив.
Я сыплю одиночество по ложке,
Автографы однажды невзлюбив.
Всё легче расписаться на платёжке.

Всё для души – грибами полон лес,
Тропа к нему, иду себе непрытко,
И каждый день – как будто до небес
Достать рукой ещё одна попытка.

* * *

Зачем смотрю – сама не знаю –
В глаза соседей и друзей,
Чужие жизни наблюдаю,
Забыв на время о своей?

Зачем, в глаза пустые глядя,
Я слушаю эфирный бред,
И снова нам мордастый дядя

Наобещает светлых лет.

А света нет, ложатся тени
На жизнь чужую и мою,
Болят душа, болят колени,
Когда под образом стою.

Взметнулись птицы, откричали.
Всё чаще плач, всё реже смех.
Какие разные печали,
И только крест – один на всех.

Чёрный кот

Путь простой до магазина –
Двор пройти и огород.
Вон идёт по тропке Нина,
А за нею чёрный кот.

Неторопкий шаг, привычный.
Кот послушный без хвоста.
Новый день, такой обычный,
Как без Нины и кота?

Возвращаются к порогу,
Нина блюдо достаёт,
Трётся ласково о ногу
И мурлычет чёрный кот.

...У подъезда домовина,
А напротив озерко.
Нину скорбная машина
Увозила далеко.

Тот же путь до магазина,
Только убран огород
И румянится рябина.
По тропинке бродит кот.

Объявление

Тёплых слов бы, тёплых взглядов,
Но простужен этот мир.
Утепление фасадов,
Утепление квартир.

От дождя и снегопада,
Чтобы стужу побороть,
Установят всё, что надо,
Обогреют нашу плоть.

Вышли мы – и не чихнули,
В суете, да всё шутя,
Там хромого подтолкнули,
Тут обидели дитя.

Всё расчётно и платёжно,
Взял бумажку – и пиши.
Это сложно, очень сложно –
Утепление души.

Баба Оля

Докучают в лесу комары.
Выйдешь в поле – надышишься вволю,
А за полем уютятся дворы.
Кто не знает у нас бабу Олю!

Снег и ливни, менялись вожди.
Неохотно расскажет, бывало,
Как, дитя прижимая к груди,
От пылающих изб убегала.

А потом тишина, трудодни.
Жизнь покатится по нормативу.
Отдышавшись маленько в тени,
Заспешит на созревшую ниву.

Вроде, беды её далеко,
Только чёрный платок не снимает.
Как живётся? – ответит легко:
«Да на хлеб и одёжу хватает!»

В огороде редиска, лучок,
И ни сорной травинки на грядке.
Приезжает на лето внучок.
Всё по кругу идёт, всё в порядке.

Нынче вьюга следы замела,
До могилы не стёжка – аллея.
Никого не ругая, жила
И ушла, ни о чём не жалея.

Кто плеснул бы на мир белизны! –
И когда загибаюсь от боли,
Всё глядит на меня со стены
Матерь Божья с лицом бабы Оли.

* * *

Так не должно быть – глупые рекламы,
На сцене и трибунах балаган,
Гламурные распущенные дамы,
Опять атаковавшие экран.

Уюта бы и воздуха почище,
Так не должно быть – паперть и дворцы,
И выстужено старое жилище,
И на хозяйстве снова подлецы.

И на пути то маклер, то пьянчужка,
И снова взгляд беспомощный ловлю,
Когда у кассы возится старушка,
Отсчитывая деньги по рублю.

И в голове проносится – доколе?
И замечаю воспалённый взор,
Как, отмахав косою в диком поле,
Мужик лохматый смотрит на топор.

Не обойти тогда судьбину вдовью,
Тяжёлой станет каждая верста.
Так не должно быть – с криками и кровью,
Так не должно быть – правда без креста.

Поэзия

Забыть слова на месяцы, на годы,
Отшевелив губами, замолчать,
Остаться дома из-за непогоды
И не суметь ненастье обругать.

Смотреть в окошко на кресты и флаги,
Копить печали, словно вызревать,
Водить пером впустую по бумаге,
И вспоминать слова, и вспоминать.

Отгоревать, отплакать, отсмеяться.
Но вырвутся из снежной целины
На белый свет – как заново родятся –
Лишь те слова, которые нужны, –

Невычурные, самые простые,
И вспыхнет свет божественный в ночи,
И сбудется – заговорят немые.
Утихни, каждый, слушай и молчи!

Колыбельная

Сел в трамвай – тепло и сухо,
Катится народ,
И кондукторша-старуха
Денежку берёт.
В тёплом свитере, хромает,
Щурится слегка,
Мелочь сыплет – как считает
Сдачу с молока.

Песенку из доброй сказки
Я тебе спою,
Закрывай, малютка, глазки,
Баюшки-баю.

Хлебушек сегодня горек –
Невесёлый век,

И метёт наш тихий дворик
По утрам узбек.
Неуютно, одиноко,
И поёт узбек.
Тянет сквозняком с востока,
Выпал первый снег.

Всё присыпано порошей,
Зябко воробью.
Спи, мой сладкий, мой хороший,
Баюшки-баю.

Снова сверху: «Здрасьте, здрастьте!» –
Едет в кабинет,
Крепко так примазан к власти
Пухленький сосед.
Шандарахнет из стакана –
Вспомнит про народ,
Улыбнётся нам с экрана,
Что-нибудь соврёт.

На иконке взгляд лучистый,
Русь в святой горсти.
Спи, мой светлый, самый чистый,
Не спеши расти.

* * *

Пожитки в нескольких пакетах
Для холодов и для дождей,
В цветастой юбке, старых кедах
Сидит на паперти своей.

Лицо молодки, взгляд старухи –
Всего намешано в судьбу,
И на платок садятся мухи,
И серый пот течёт по лбу.

Сидит под солнцем, одинока,
Чего-то там жуёт порой.
Печали мира так далёко,
Что мир уже как неродной.

Поднимется, возьмёт пакеты,
Когда проклюнется звезда,

Пойдёт встречать свои рассветы.
Хотя бы голос: «Ты куда?»»

* * *

Вот он, домик у тихой реки,
Где под окнами бледные розы,
Где в траве копошатся жуки
И до ночи летают стрекозы.

Утра свежи, и синь высока,
И рукою подать до погоста.
Дверь не заперта, нету замка –
Что скрывать? – всё по-божески, просто.

И дела здесь и помыслы в лад,
Знают жизнь, равнодушны к излишку,
О погоде, хлебах говорят
И не прячут подальше сберкнижку.

Может, путь весь уже позади,
Домочадцам бесхитростным глянуть,
И рукой остановят – сиди!
И послушаюсь я, и останусь.

Нина

Живёт в небогатой квартире,
Ни мужа, ни даже детей,
Все годы одна в этом мире,
Без связей и нужных людей.

Всплакнёт ли когда, улыбнётся?
Ни радостей будто, ни бед,
Всё ладно, живёт как живётся,
Со шваброй спешит в кабинет.

В жару ветерка не попросит,
Мороз, так мороз, ну и что,
Платок потеплее набросит,
Подденет жакет под пальто.

Живёт, никого не ужалит,
Всё мимо – молва, суета,
Картофелин пару отварит,
Закусит лучком – и сыта.

И кто-то сердечный найдётся
И как-то подыщет подход:
«Ну, как тебе, Нина, живётся?» –
«Неплохо», – плечами пожмёт.

* * *

В пятиэтажном улье комнатушка.
Комод и стулья дышат стариной.
В той комнатушке кроткая старушка,
Встаёт чуть свет, ложится со звездой.

Я увидала дверь при тусклом свете
И, ковырнув разболтанный замок,
Узнала всё: комод и стулья эти,
Упрятанные кольцами дорог,
И ватное родное одеяло,
Как яблочко сушёное, лицо.
«Чего так долго ты не приезжала?
Хотя бы за полгода письмецо...»

Всё слушала меня, всё удивлялась,
И тут смекнула радостно: «Погодь,
Что ж – насовсем? ужель навоевалась? –
И тихо так: – Храни нас всех Господь...
Война – оно занятие пустое,
А сердце всё же просит тишины...»
И обронила самое простое:
«Нельзя ли как-то миром, без войны?»

И сумерки надвинулись тревожно,
И я тогда подумала о том,
Что без войны, наверное, и можно,
Когда сердца наполнены добром.
Какая-то неведомая сила

Нам раздаёт смиренье и покой,
Не то добра кому-то не хватило,
Не то другим насыпано с лихвой.

* * *

С годами видится простое,
И всё яснее каждый год.
Обиды, суета – пустое,
И правда в том, что снег идёт.

Всё заметёт к утру, похоже.
Фонарь под окнами горит.
Светло, и в этом правда тоже,
И в том, что город этот спит.

И знаешь, что не одинока,
Что где-то высоко луна
И чьи-то голоса далёко.
Благословенна тишина!

И вот фонарь потух. Светает.
Мы все у белого в плену.
А снег идёт, а снег не тает
И продлевает тишину.

Бронзовый солдат

Донбасс в крови. Опять летит снаряд,
И доползти до дома нету силы.
Стоит за шахтой бронзовый солдат,
И зеленеют братские могилы.

Он видит всё: огонь и чёрный дым,
Как чьи-то тени к погребу метнулись.
Уже под флагом жёлто-голубым
Они идут, они опять вернулись!

Чеканят шаг, они сегодня злей,
Они заматерели за полвека,
Прицелятся – не слышат матерей,
Курок нажмут – не видят человека.

Как на посту, прервав когда-то бег,
Стоит солдат под холодом столетий,
И за его спиной – ушедший век,
За плащ-палаткой – снова сорок третий.

И он сжимает верный автомат...
Такое время жуткое настало,
Что кажется: не выдержит солдат,
Из бронзы выйдя, спрыгнет с пьедестала.

Валентина

Простирнёт пододеяльник,
Её успеть бы тут и там.
Валентина днём начальник
И техничка по ночам.

Свет погас, в домах уснули.
Залы чистые блестят.
Прикорнуть бы ей на стуле,
Только камеры следят.

Жизнь разъята на минуты,
По минутам день и ночь,
И одеты и обуты,
Сыты дети – сын и дочь.

Всех-то радостей – получка,
И не пусто в кошельке,
После швабры авторучка –
Как соломинка в руке.

После ноет поясница,
Выступит слеза порой,
После долго-долго спится,
Если завтра выходной.

Депутаты, суматоха,
Телевизор говорит.

Подойдёт к экрану кроха:
«Тише, дядьки, мама спит!»

* * *

Тишины бы в округе, такой,
Чтобы слышать на ветке сороку,
Как врезается лодка в осоку,
Возвращаясь на берег другой.

Чтобы слышать за вёрсты пургу,
Как в полях оседают туманы,
Как швыряет листву на поляны
Этот ветер, влетевший в тайгу.

Слышать всё бы, до дальних морей,
Не проникшись ни счастьем, ни горем,
Слышать даже, как где-то за морем,
По тропинке бежит муравей.

Тишины бы, до самой луны,
Я на небо глаза поднимаю,
Но, проснувшись, опять понимаю:
Не бывает такой тишины.

* * *

Всё просто: встретить на пути
Дубок, и выдохнуть без фальши,
И не мешать ему расти,
Идти своей дорогой дальше.

С корзиной в чашу углублюсь,
Грибы – занятие непустое,
«Ау!» услышу, отзовусь,
И вот в лесу уже нас двое.

То снег, то дождь, а я о том,
Что память вовсе не остыла,
Позвать бы всех в притихший дом,
Кого люблю, кого любила.

Сесть у стола и всё простить,
Поговорить бы нам о многом,
И если не с кем говорить,
То остаётся – только с Богом.

В старом доме

Старый дом и новый дом.
В первом – тусклые окошки,
Жуткий запах, бродят кошки –
Всё не так, как во втором.

Вечно охает, скрипит
Дверь расшатанная тяжко,
На ступеньке грязной Пашка
Беломориной дымит.

Ни мыслинки дельной нет,
В голове темно с похмелья,
Комнатка его – как келья:
Стол, кровать и табурет.

Потянуло сквозняком,
А на Пашке лишь тельняшка.
В щель дверную видит Пашка
Только снег и новый дом.

Как там держится народ? –
Перемолвиться бы словом,
И не знают в доме новом,
Как тут Пашка, как живёт.

Сосед галичанский, скажи,
Зачем твои пули летают?
Боюсь не наветов и лжи,
Мне страшно, когда убивают.
Не видеть бы хаты в огне,
И ссоры не хочется, в целом.
Наверно, страшнее вдвойне
Тому, кто лежит под прицелом.
И страшно уже за страну,
Где каждый четвёртый – калека.
Мальчишки играют в войну.
Не целься, сынок, в человека!

* * *

Никому не скажу и уеду,
Ни друзей, ни любви не найдя,
И пойду с чемоданом по следу
Полоснувшего поле дождя.

Васильки не оставят в покое,
И ромашки надарят тепла.
Всё живое, такое родное,
Так бы шла потихоньку и шла.

Будут рядом закаты, восходы,
Так душевно – один на один.
Приживусь на недели, на годы
Среди ягод и тонких осин.

Забредёт сюда кто-то, возможно,
Помолчит, на места поглядит.
«Как там мир?» – расспрошу осторожно.
«Да куда ему деться? – стоит».

Так ответит – легко, равнодушно,
Потому и поверю ему.
Что желать? – ничего и не нужно,
Если сытно и тихо в дому.

* * *

Снова от внуков сюрприз:
Быстро одели, обули,
Вывели под руки вниз:
«Мы на часок». Упорхнули.

Скрылось за домом авто.
Здесь бы сидеть-отсидеться.
Старое греет пальто,
Только душе не согреться.

Жизнь пролилась, как вода,
Съедено лиха до крошки.
Вон над макушкой звезда,
И зажелтели окошки.

Думы – что в печке зола,
Мир не становится шире.
Внуки не едут – дела.
Суетно, суетно в мире...

В темень куда-то глядит,
Что-то нездешнее слышит,
Тихо под небом сидит.
Дедушка воздухом дышит.

* * *

Без помехи, без помарки
Мне хотелось жизнь прожить.
Так легко, гуляя в парке,
Этот вечер полюбить.
Ветер сердится порою,
Листья жёлтые летят,
«Мы с тобою, мы с тобою», –
Под ногами шелестят.
В поизношенной шубейке,
Бородатый и седой,
Спит бездомный на скамейке,
Шепчут листья: «Мы с тобой».

Всё кружат над головами,
Над скамьёй и в стороне.
«Мы сегодня с вами, с вами», –
Говорят ему и мне.

* * *

Справа речка, а слева опушка,
А грибов-то – под каждым кустом,
Деревянная мокнет церквушка
Под холодным осенним дождём.

Скрипнет дверь, запоют половицы,
И ни певчих, ни благостных лиц,
На стенах из журнала страницы,
И святые глядят со страниц.

Я таких не видала окраин,
Позолота нигде не блеснёт,
И в поношенной рясе хозяин
В одиночестве службу ведёт.

Спозаранку молебен читает
За страну и за завтрашний день,
Уж не крестит, а всё отпевает
Поколенья глухих деревень.

Всё едино – дожди, завируха,
Эту древнюю дверь отопрёт,
Приблудится, бывает, старуха,
И свечу, как на память, зажжёт.

Столько света в приюте убогом,
Что, теряясь, почти не дыша,
Прослезится от близости с Богом
Непутёвая чья-то душа.

* * *

Всюду, и в холод, и в зной,
В белом платочке, убогая,
Всё семенила за мной,
Словом обидным не трогая.

Мне бы на берег другой,
Села я в лодку забытую.
Слышу её: «Я с тобой»,
Слышу тоску неприкрытую.

Землю промыли дожди
И завалило сугробами.
«Буду теперь впереди», –
И повела меня тропами.

Шли средь болота и ржи,
Сколько исхожено, пройдено!
«Кто ты, бабуся? – скажи». –
«Родина, девонька, родина».

Стольких пришлось потерять
В эту шальную погоду.
«Буду ль кого вспоминать?» –
«Родину, девонька, родину».

Только и дел: дорожить
Тропкой последней, не пройденной.
«Чем до скончания жить?» –
«Родиной, девонька, родиной».

* * *

Ненастье, дороги раскисли.
Уходим пустые во мгле.
Дела остаются и мысли,
С которыми шли по земле.
Уходим, никто не вернётся,
Не видим дороги впотьмах.
Как мало от нас остаётся,
Как мало мы были в гостях!
Смеялись, любили немного,
Шумели под небом всерьёз.
Мы так и не видели Бога

В стране кабинетов и слёз.
Дома и деревья застыли,
И нас омывает дождём.
Зачем мы сюда приходили?
Куда под ветрами идём?